

Яркая луна медленно опускалась к горизонту, вытесняемая белыми рассветными небесами. Музыка и песни над рекой Цинь смолкли, толпы медленно расходились по домам.

У Ся Юйцзиня выдалась не самая приятная ночь. Быть окруженным десятками мужчин, свистящих и улюлюкающих ему вслед, было его вторым величайшим унижением после того случая, когда его приняли за молодого проститута. Даже нежная привязанность монахинь и слова утешения его дружков, пользующихся дурной репутацией, не смогли разрубить узел гнева в его сердце. И эта женщина, которая так унизила его, просто ушла с важным видом, вернувшись к своим удовольствиям и веселью, как будто хотела разозлить его!

Но что он мог сделать?

Избиение женщины было чем-то, что он презирал, к тому же он не сравнится даже с её пальцем...

Он не боялся поспорить посреди улицы, но потом передумал; будет ли он ругать ее за то, что она такая неженственная, или заставляет его страдать, он будет тем, кто потеряет лицо.

Он подумывал о том, чтобы попросить свою мать держать ее в узде, но боялся, что его мать потеряет всякую волю к жизни.

Бесполезно было надеяться на помощь его наложниц, поскольку они уже давно предали его и работали на врага, соблазненные.

Заманить ее в медовую ловушку? Но она была женщиной, ее бы не привлекли себе подобные!

Устроить аферу? Ей не нравилось проводить время в развлечениях. Если она не была занята военными делами, то тренировалась каждый день, и он еще не нашел ее слабых мест!

Похищение и вымогательство? Лучше даже не думать об этом...

Настроить против нее своих родственников? Хотя он та ещё скотина... но не до такой же степени!

В силе, влиянии и наглости - по всем фронтам - он, хоть и немного, уступал ей.

Ся Юйцзинь будто попал в захолустный город, находящийся в осаде, без провианта и фуража, отрезанный от любых подкреплений. Если он откроет ворота и капитулирует, тогда он действительно потеряет всё. Ему пришлось бы всю жизнь просить милостыню у этой женщины, он стал бы бесполезен, как муж, взявший фамилию своей жены, и заботящийся только о том, как бы доставить ей удовольствие.

Мужественный мужчина скорее умрет, чем подчинится. Даже изолированный и без посторонней помощи, он должен упрямо сопротивляться до конца, не позволяя этой чертовой женщине относиться к нему как к своему подчиненному!

Воодушевленный этими мыслями, Ся Юйцзинь открыл глаза, налитые кровью и остекленевшие от алкоголя, и, схватившись за свой кубок с вином, поклялся небу: «Я сын принца Аня, принц Наньпин, а не мальчик на побегушках! Я пойду и разведусь с ней! Я разведусь с ней, даже если император потащит меня к воротам Умэнь* и прикажет обезглавить!»

* главные (южные) ворота Запретного города в Пекине.

Даосские монахини одна за другой выступили вперед, чтобы остановить его.

- Ваше Высочество, нет!

- Не останавливайте меня! - в ярости воскликнул Ся Юйцзинь. - Только не говорите мне, что вы думаете, будто я боюсь смерти? Позволь мне сказать вам! С того самого момента, как я вышел из утробы матери, последнее, чего я когда-либо боялся, - это смерти!

Монахини отчаянно замотали головами.

- Нет, вы упадете в воду, если будете продолжать идти!

- Ах, кто-нибудь, сюда! Его Высочество упал в воду!..

- Помогите!..

Приближалась весна, и воды реки Цинь были теплыми...

Все представители «золотой молодежи» возвращались домой к своим родителям с голым торсом.

Ся Юйцзинь, полностью укрытый, держа в руках маленькую грелку для рук и позволил слуге нести свой промокший плащ из меха белой лисы, отважно и решительно направился обратно в особняк принца Аня.

Вдовствующая супруга Ань давно узнала, что ее сын гуляет без дела, поэтому она оставила ворота незапертыми и велела своей старшей служанке пожурить его, а затем запереть ворота его двора, чтобы он больше не мог убежать.

Ся Юйцзинь агрессивно оттолкнул людей, которые пытались остановить его, собрал все свое

мужество, засучил рукава и бросился в главный зал, где жила Е Чжао, готовый найти кисть и написать ей заявление о разводе, прежде чем успеет дважды подумать об этом. Он собирался развестись с этой негодяйкой, которая не только не проявляла никакого внимания к своему мужу, но и объединилась со своими подчиненными, чтобы изводить его!

Его личный слуга Гутоу настойчиво оттащил его назад. «Ваше Высочество, - позвал он, - пожалуйста, скорее протрезвейте и образумьтесь! Вы не выживете, если пойдешь против генерала! Она убила так много людей, что ваша смерть ничего не изменит. Сжальтесь, пожалейте этого слугу...»

Вот так причитая, хозяин и слуга ввалились внутрь, но главный зал был пуст, если не считать Цю Хуа и Цю Шуй, задремавших в теплой комнате [1].

Ся Юйцзинь разбудил их. «Где ваш генерал?» - спросил он.

Цю Хуа мрачно улыбнулась ему, как владелица магазина булочек с человеческим мясом [2].

[1] отдельная комната или - в данном случае - часть комнаты, которая была отгорожена и обогревалась жаровнями и/или полом с подогревом.

[2] Отсылка к персонажу романа «Водный рубеж» Сунь Эрнян.

Цю Шуй была более любезна и указала ему направление.

Ся Юйцзинь проследил взглядом за направлением ее пальца, прямо к кабинету, в котором он жил, и почувствовал, как кровь застыла у него в жилах.

В кабинете, при свете хрустальной лампы, генерал полулежала на плетёной лежанке, устроив рядом свой обоюдоострый меч, и лениво листала книгу. Атмосфера была неопишимо странной.

Ся Юйцзинь пинком распахнул дверь. «Что ты здесь делаешь?» - спросил он с высоко поднятой головой.

Е Чжао подняла «Историю о побежденном герое» и сказала со смехом:

- Твоя книга очень интересная.

- Кто позволил тебе рыться в моих вещах? - рявкнул Ся Юйцзинь, выхватывая книгу у нее из рук.

- Я ведь только взглянула, это настолько неприемлемо?

- Да, неприемлемо! - Ся Юйцзинь, вспомнив ночные обиды, гневно выпалил: - Ты завладела моим домом, моей спальней, моей жизнью, даже моими наложницами! Что ты делаешь здесь? Ты даже заберешь у меня мое последнее мирное убежище? Если ты намерена затравить меня до смерти, тогда я первым отдам свою жизнь, чтобы сразиться с тобой!

- Успокойся, - сказал Е Чжао, пытаясь утихомирить его, как оцетинившегося кота. - Я пришла сюда, чтобы сообщить тебе хорошие новости».

- Какие хорошие новости ты можешь мне сообщить? - с презрением бросил Ся Юйцзинь.

Е Чжао встала, взяла со стола тонкий лист бумаги и подтолкнула его к нему.

Увидев серьезное выражение ее лица, Ся Юйцзинь, в конце концов, взглянул на документ. Бумага была высокого качества, и несколько строчек иероглифов на ней были написаны энергичными, но плавными штрихами. Документ начинался так: «Ся Юйцзинь, принц Наньпин, торжественно объявляет о разводе со своей женой на основании этого документа». Сначала в нем кратко благодарили императора за его благосклонность, затем искренне выражали сожаление, что их характеры несовместимы, что они ненавидят и презирают друг друга, разорвали все связи и оба готовы развестись; отныне, даже будучи женатыми, они не имеют отношения друг с другом. В конце страницы красовалась подпись Е Чжао.

- Это... это по-настоящему? - Ся Юйцзинь просматривал документ снова и снова, следя за тем, чтобы слова и подпись были в надлежащей форме. Ошеломленный, он почувствовал, как гнев в его внутренностях испаряется, как воздух из пробитого барабана. - Ты... ты действительно хочешь развестись? - неожиданно мысль о разводе с женой заставила его запнуться.

Е Чжао тихо вздохнула.

- Ты можешь привести лошадь к воде, но вы не можете заставить ее пить - избитый человек никогда не проявит искренности. Я могу это понять. Я надеялась, что счастливая случайность позволит нам жить в гармонии, но в итоге мы лишь ссорились, как кошка с собакой. Продолжать просто нет смысла. Если мы расстанемся сейчас, то все равно сможем поддерживать дружеские отношения и вести светскую беседу, если встретимся на улице. Но если мы будем придерживаться этого до конца, пострадают обе стороны.

Почему он раньше не понял, что она такая разумная?

Когда его самое сокровенное желание, наконец, сбылось, Ся Юйцзинь был тронут до слез.

- Но... - Е Чжао сделала паузу, затем неловко сказала: - Наш брак был разрешен вдовствующей императрицей, и прошло всего три или четыре месяца. Если мы разведемся слишком быстро, это повредит привязанности императора и вдовствующей императрицы. Итак, я назначила дату развода через три года, и в этот день я лично отправлюсь во дворец и представлю этот вопрос императору. Что ты на это скажешь?

Ся Юйцзинь посмотрел на письмо о разводе. В настоящее время шел девятый год Дэцзуна, но подписание было назначено на двенадцатый [3].

[3] Итак, это, очевидно, ошибка автора, поскольку она заявила в главе 2 (триумфальное шествие Е Чжао), что это была зима 13-го года правления Дэцзуна. Автор постоянно переключается между событиями 13-го или 9-го года правления Дэцзуна. Просто плывем по течению, лол)

- Я передам тебе письмо, - снова сказала Е Чжао. - Если ты подпишешь и поставишь на нем свою печать, я могу отправить его властям, чтобы они зарегистрировали его через три года. Мы с тобой муж и жена, даже если наши отношения обречены на неудачу. Таким образом, по крайней мере, император, вдовствующая императрица, дома принца Аня и гуна-протектора в какой-то степени сохраняют лицо.

Три года пролетят быстро.

С этим подписанным письмом о разводе она никак не могла обмануть его.

Тяжесть, давившая на грудь Ся Юйцзиня, спала, и всё его тело расслабилось. Он даже обрадовался, взглянув на Е Чжао, и полушутя произнес:

- Все в порядке, я все равно тебе не нравлюсь, и, по крайней мере, тебе не нужно будет носить оружие и спать с ним после того, как мы разведемся? Не смотри на меня так, особняк принца Аня - мой дом, и слуги тоже мои. Ты не сможешь скрыть от меня свои дурные привычки.

Е Чжао странно посмотрела на него.

- Мне нужно оружие, чтобы справиться с тобой?

Ся Юйцзинь покраснел.

- Тогда как насчет оружия, которое ты принесла в нашу брачную ночь? Это было для того, чтобы напугать меня?

- Возможно, ты неправильно понял, - сказала Е Чжао после минутного молчания. - Это просто привычка, оставшаяся после сражений. Так ты можешь быстро вскочить, чтобы атаковать или отступить в любой момент. Однажды кто-то пытался убить меня во сне, так что теперь я не могу спокойно спать без оружия под подушкой. Прости, если это тебя напугало, я не подумала объяснить.

Ся Юйцзинь был ошеломлен.

Судя по тому, как она преуменьшила значение этой истории, слухи о жестокой войне в Северной пустыне снова всплыли в его памяти.

Уничтоженная семья Е, резня в Северной пустыне, три тысячи решительных солдат, реки свежей крови, высившиеся груды костей.

За именем «Ожившего повелителя Ада» скрывались непоколебимая сила и решимость.

Отточив свое мастерство владения клинком, копьем и луком, она могла бы стать хорошим полководцем, но не смогла бы стать нормальной женой.

Столица была полна мужчин, желающих работать под ее началом, но мужчин, желающих жениться на ней, было немного. И с ее высокомерием, как она могла захотеть взять на себя роль традиционной хорошей жены? Или провести свою жизнь, как любая обычная женщина? Если бы они развелись, какой бы ни была причина, она, вероятно, никогда больше не смогла бы выйти замуж.

Но она все еще была готова отпустить его и предпочла развод...

Неужели он... зашел слишком далеко?

Когда пыль улеглась, Ся Юйцзинь начал чувствовать себя немного виноватым.

- Не думай слишком много. Я сама выбрала этот путь, к тебе это не имеет никакого отношения.
- Слабая улыбка появилась в уголках рта Е Чжао, которая заметила муки его нечистой совести.
- Если ты чувствуешь себя неловко, угости меня выпивкой. Давай на широкую ногу отпразднуем успех нашего развода! Как бы то ни было, сейчас мы женаты, но если мы расторгнем это соглашение по-дружески, мы тоже станем друзьями!

Ся Юйцзинь с большим усилием отогнал от себя эти мысли и решительно улыбнулся.

- Да, одним врагом меньше, одним другом больше.

- Принц Ся довольно прямолинеен! - Е Чжао громко хлопнула в ладоши. - Ты известен всему городу как лучший в еде, питье и развлечениях. Ты не можешь быть скупым, когда приглашаешь меня. Ты должен угостить меня лучшим вином и лучшей едой!

Ся Юйцзинь уверенно похлопал себя по груди.

- Будь уверена! Чего бы ты ни захотела, просто скажи! Я, Ся Юйцзинь, пройду через любые испытания и невзгоды, чтобы заполучить это для тебя! - Затем он развернулся и выбежал за дверь, крикнув на ходу: - В доме Синхуа лучшее вино, а в лавке старика Гао - лучшая баранина.

Это хорошо для борьбы с зимним холодом. Ты пробыла на лодке всю ночь, тебе, должно быть, холодно. Я принесу тебе несколько бокалов вина.

Е Чжао посмотрела, как он уходит, а затем принялась рисовать схему на столе, бормоча себе под нос: «Чтобы вести войну, сначала проведи психологическую атаку. Разрушение стен осажденного города приведет к его разрушению. Тогда ты сможешь нанести удар».

<http://tl.rulate.ru/book/6306/157288>